

469404

№ 1258

БРОШЮРА. 421.

Н. И. Кузнецовъ.

Брошюра
Кружка Студентовъ
Физ.-Мат. факультета
И. В. У.

О БОТАНИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХЪ ИЗСЛѢДОВАНІЯХЪ

КАВКАЗА,

СОВЕРШЕННЫХЪ ПО ПОРУЧЕНІЮ

ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

(Съ картою).

66

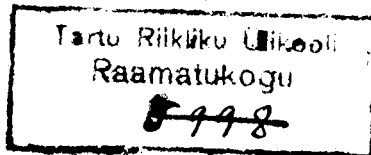
37

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

908

1902.

2

469404

О ботанико-географических изслѣдованіяхъ Кавказа, со- вершенныхъ по порученію Императорскаго Русскаго Гео- графическаго Общества.

(Читано въ Общемъ Собраніи въ среду 19 января 1900 г.).

Д. чл. *Н. И. Кузнецова.*

(Съ картой Кавказа).

Болѣ 10 лѣтъ назадъ (въ 1888 г.) Совѣтъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества возложилъ на меня лестную, но вмѣстѣ съ тѣмъ и весьма трудную задачу — изученіе растительности Кавказа съ точки зрѣнія ботанико-географической, съ цѣлью выясненія исторіи развитія этой растительности. Задача эта до нѣкоторой степени облегчалась однако тѣмъ, что Кавказъ въ ботанико-географическомъ отношеніи не являлся странною, представляющую terra incognita. Изученіе растительности Кавказа началось ровно двѣсти лѣтъ назадъ, когда извѣстный французскій ботаникъ и путешественникъ Турнефоръ впервые (въ 1700—1702 г.г.) посѣтилъ эту страну, проникнувъ въ ее из юго-запада, изъ Турецкой Арменіи. Послѣ Турнефора проходило однако не мало времени, пока снова Кавказъ дѣлается цѣн- ной ботаническихъ изысканій. На этотъ разъ изслѣдователи яв- ляются съ сѣвера, изъ Россіи. Это были знаменитые русскіе путе- шественники—Гюльденштедтъ, Гмелинъ, Палласъ, ко- торые, изучая въ географическомъ отношеніи южную Россію, въ изслѣдованіяхъ своихъ доходили и до могучаго Кавказскаго хребта и посвящали ему, по тому времени, сравнительно не мало труда и усилій. Конецъ прошлаго столѣтія знаменуется для разсматриваемаго вопроса изслѣдованіями барона Маршала ф. Биберштейна, совершившаго въ 1796 г. путешествіе на Кав- казъ, по западному побережью Каспійскаго моря отъ Терека до

Куры, и затѣмъ въ теченіе 1798—99 г.г. бывшаго инспекторомъ шелководства по тогдашней так. наз. «Кавказской линіи». Маршалъ Биберштейнъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ авторомъ первой флоры Кавказа въ полномъ ея объемѣ. Эта первая «Флора» появилась въ 1808—1813 г.г. и заключала въ себѣ описаніе болѣе 2.000 в. крымско-кавказской флоры. Появленіе первой флоры Кавказа, для своего времени, весьма полной, имѣло не только значеніе чисто литературное, представляя сводъ всего того, что сдѣлано было за 100 лѣтъ по изученію флоры Кавказа. Появленіе флоры Маршала Биберштейна имѣло еще и то важное значеніе, что оно привлекло къ вопросу новыхъ лицъ, что оно возбудило интересъ къ изученію флоры Кавказа и такимъ образомъ второе столѣтіе изученія растительности Кавказа ознаменовалось и болѣе энергичнымъ собираніемъ матеріала, и болѣе энергичной его обработкой. Въ числѣ собирателей и изслѣдователей флоры Кавказа, современныхъ или непосредственно слѣдующихъ за Маршаломъ Биберштейномъ, мы должны упомянуть такія крупныя имена, какъ Стевена, Эйхвальда, Нордмана, Гогенаккера, К. А. Мейера, Коха, Шовица, и мн. др. Всѣ они дѣятельно собираютъ матеріалъ, обрабатываютъ его, печатаютъ отдѣльные мемуары по флорѣ Кавказа и настолько обогащаютъ свѣдѣнія наши объ этой въ высшей степени интересной флорѣ, что, когда знаменитый Ледебуръ, бывший дерптскій профессоръ, приступилъ менѣе чѣмъ черезъ полстолѣтія послѣ появленія труда Маршала Биберштейна къ изданію флоры всей тогдашней Россіи и, конечно, включилъ въ нее и флору Кавказа, онъ могъ для этой послѣдней насчитать уже въ 1½ раза болѣе видовъ, чѣмъ въ свое время зналъ Маршалъ Биберштейнъ. Классическій трудъ Ледебура былъ напечатанъ въ теченіе 1842—1853 г.г. и въ этомъ трудѣ мы насчитываемъ уже болѣе 3.000 представителей кавказской флоры. Съ появленіемъ труда Ледебура изученіе флоры Кавказа идетъ еще энергичнѣе. Я не имѣю здѣсь возможности перечислить всѣхъ тогдашнихъ работниковъ по флорѣ Кавказа. Укажу только на одно крупное имя — на академика Рупрехта, предпринявшаго изученіе флоры Кавказа по порученію Академіи Наукъ и начавшаго грандіозный, широко задуманный трудъ по флорѣ Кавказа, трудъ оставшійся, къ сожалѣнію, далеко незаконченнымъ за преждевременной смертью автора. Рупрехту удалось написать не болѣе 1/6—1/5 всего труда. Изъ современниковъ

Рупрехта упомяну еще Оверина и Ситовскаго. Этими и многими иными авторами уже собранъ былъ настолько обширный матеріалъ по флорѣ Кавказа, что не прошло и ¼ столѣтія послѣ Flora Rossica Ледебура и ¾ столѣтія послѣ Flora taurico-caucasica Маршала Биберштейна, какъ число извѣстныхъ кавказскихъ растений доходитъ до почтенной цифры 4.000 видовъ, т. е. удваивается по сравненію съ тѣмъ, что зналъ Маршалъ Биберштейнъ и увеличивается на 1/3 противъ того, что было извѣстно Ледебуру. По крайней мѣрѣ такое количество кавказскихъ видовъ насчитываемъ мы въ грандіозномъ трудѣ Буассіе—по флорѣ Востока (Flora Orientalis), выпущенъ въ теченіе 1867—1888 г.г. Одновременно съ появленіемъ этого солиднаго труда начались и многочисленныя изслѣдованія Радде флоры Кавказа. Ставъ съ 1864 года во главѣ Тифлискаго Музея, Радде съ неподражаемой и удивительной энергіей занялся изученіемъ природы Кавказа. Обширные, тщательно собранные имъ гербаріи должны по справедливости считаться основнымъ научнымъ матеріаломъ по флорѣ Кавказа, тѣмъ болѣе, что обработки были они такимъ знатокомъ своего дѣла, какимъ былъ въ свое время Траутфеттеръ. Рядомъ съ Радде и Траутфеттеромъ слѣдуетъ однако поставить и другихъ дѣятелей по флорѣ Кавказа, частью работавшихъ во время выхода въ свѣтъ Flora Orientalis Буассіе, частью же работающихъ послѣ нея, отчасти даже и по нынѣ. Таковы въ особенности Медвѣдевъ, Беккеръ, Срединскій, Норманнъ. За ними слѣдуютъ болѣе молодыя свѣжія силы—Акинфиевъ, Альбовъ, Липскій, Масальскій, Сомье-Левье и др. Нѣкоторыхъ изъ этихъ новѣйшихъ дѣятелей скрываетъ насъ преждевременная могила, большинство изъ нихъ, слава Богу, здравствуетъ, работаетъ и поднесъ и, надо думать, подаритъ науку нашу еще не малыми цѣнными изслѣдованіями и открытіями. Стараніями этихъ послѣднихъ дѣятелей познанія наши о флорѣ Кавказа достигли уже въ настоящее время почтенной цифры въ 4.500 видовъ. И такъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія мы знали 2.000 в. растений съ Кавказа, въ половинѣ этого столѣтія 3.000 в., еще черезъ ¼ вѣка 4.000 и наконецъ къ концу нашего столѣтія, за послѣднюю ¼ вѣка, эта цифра доросла до 4.500 видовъ (какъ показываетъ новѣйшій трудъ Липскаго «Флора Кавказа»).

Въ такомъ приблизительно состояніи находились познанія наши о растительномъ мірѣ Кавказа, когда болѣе 10 лѣтъ назадъ Со-

вѣтъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, по почину Предсѣдателя Отдѣленія Физической Географіи И. В. Мушкетова, возложилъ на меня отвѣтственную и интересную задачу—на основаніи всѣхъ прежнихъ изслѣдованій и матеріаловъ и на основаніи новыхъ личныхъ изслѣдованій составить исторію развитія флоры Кавказа. Работу свою я началъ въ 1888 году изученіемъ растительности Кубанской области, бывшей въ то время совершенно неизслѣдованной. Слѣдующій 1889 г. посвященъ былъ мною путешествіямъ гл. обр. въ Терской области, а также въ пограничныхъ частяхъ Дагестана и Кубанской области. Наконецъ, изслѣдованія 1889 г. закончены были путешествіемъ по тогдашнему Черноморскому округу, изученіе котораго освѣтило мнѣ исторію происхожденія части кавказской флоры. Желая провѣрить основные взгляды свои, полученные изслѣдованіями 1888 и 1889 г.г., я въ слѣдующемъ 1890 г. предпринялъ по порученію Геогр. Общ. и на этотъ разъ еще Импер. Ботаническаго Сада въ С.-Петербургѣ 3-е путешествіе на Кавказъ, въ теченіе коего посѣтилъ Терекую обл., Тифлисскую губ. и Кутаисскую губ. (Имеретію, Мингрелію и пограничныя части Сванетіи). Результаты трехлѣтнихъ путешествій моихъ по Кавказу изложены были въ нѣсколькихъ предварительныхъ отчетахъ, Обществу представленныхъ, и въ болѣе обширномъ трудѣ: «Элементы Средиземноморской области въ западномъ Закавказьѣ»¹⁾. Однако какъ разъ эта та самая главная работа моя по исторіи происхожденія флоры Кавказа встрѣтила весьма неблагоприятный пріемъ со стороны научной критики. Важнѣйшіе результаты моихъ изслѣдованій 1888—90 г.г., изложенные какъ въ «Элементахъ Средиземномор-

¹⁾ Н. Кузнецовъ. Путешествіе по Кубанскимъ горамъ. — Изв. И. Р. Геогр. Общ. XXV т.

Н. Кузнецовъ. Геоботаническое изслѣдованіе сѣвернаго склона Кавказа. — Изв. И. Р. Г. Общ. XXVI т.

Н. Кузнецовъ. Путешествіе по Кавказу лѣтомъ 1890 г. — Изв. И. Р. Г. Общ. XXVI т.

Н. Кузнецовъ. Состояніе садоводства въ Черноморскомъ округѣ. — Сел. Хоз. и Лѣс. т. CLXIII.

Н. Кузнецовъ. Элементы Средиземноморской области въ западномъ Закавказьѣ — Зап. Импер. Русск. Геогр. Общ., т. XXIII. 1891. Стр. IX + 190. 3 табл. рис. Карта Черном. окр.

N. Kusnezow. Beiträge zur Flora Caucasicca. Zwei neue *Rhamnus*-Formen. Mit 1. Tafeln. — Mém. Biol. tirés du Bull. d. l'Acad. Impér. des Scienc. de St. Pétersb. T. XIII. 1891.

ской области...», такъ и въ предварительныхъ отчетахъ, сводились къ слѣдующему: 1) на Кавказѣ я предлагалъ выдѣлить особую Понтийскую или Колхидскую область или провинцію, занимающую собою западное Закавказье, на сѣверѣ отграниченную Главнымъ Кавказскимъ хребтомъ, на югѣ—Ахалцихо-Имеретинскимъ хр. и далѣе Понтийскимъ хребтомъ, на востокѣ—Месхійскимъ хр. и на западѣ доходящее приблизительно до Туапсе на сѣверѣ и до Трапезунда на югѣ. Это западное Закавказье до послѣдняго времени всѣми выдающимися фито-географами—Гризбахомъ, Энглеромъ, Друде, Бекетовымъ и др. относилось къ Средиземноморской области. Разобравъ однако климатическія условія страны¹⁾ и характеръ ея растительности, я старался доказать, что причислять западное Закавказье безъ всякихъ оговорокъ къ Средиземной области невозможно, что западное Закавказье надо выдѣлить въ особую, по крайней мѣрѣ, провинцію Средиземноморской области, и предложилъ наименовать провинцію эту (или область) Колхидской или Понтийской; 2) я старался доказать, что эта Понтийская или Колхидская провинція (или область) характеризуется типомъ растительности древнимъ, сохранившимся здѣсь въ малоизмѣненномъ видѣ съ давнихъ временъ, съ третичной эпохи; я предполагалъ, что колхидская растительность въ концѣ третичной эпохи была распространена б. или м. широко по всему Кавказу. Это широкое по Кавказу распространеніе колхидской природы относилъ я къ тому времени, когда Кавказъ представлялъ островъ, со всѣхъ сторонъ окруженный моремъ, когда климатическія условія Кавказа должны были быть иныя, когда климатъ во всѣхъ б. или м. частяхъ Кавказа, вѣроятно, былъ равномернымъ, жаркимъ и влажнымъ и походилъ на современный климатъ одного лишь западнаго Закавказья. Согласно съ таковымъ предположительнымъ распространеніемъ третичнаго климата по Кавказу и растительность на всемъ Кавказѣ должна была быть однообразнѣе и по характеру своему приближаться къ характеру растительности западнаго Закавказья. Тѣ рѣзкія различія въ характерѣ растительности Кавказа, которыя мы нынѣ наблюдаемъ въ различныхъ частяхъ Кавказа, представляютъ результатъ даль-

¹⁾ Въ новѣйшей работѣ В. П. Кётена: «Versuch einer Klassifikation der Klimate, vorzugsweise nach ihren Beziehungen zur Pflanzenwelt». — Geograph. Zeitschrift. 1900, pp. 593—611, 658—679, западное Закавказье въ климатическомъ отношеніи выдѣляется авторомъ изъ Средиземноморской области и причисляется къ климату Японіи, Китая и Сѣв. Индіи (С. I.—Camellien-Klima).

нѣйшихъ измѣненій во флорѣ Кавказа, со временъ третичной эпохи имѣвшихъ мѣсто, а потому и растительность восточнаго Закавказья, Дагестана, Терской и Кубанской обл. надо разсматривать, какъ генетически связанную съ растительностью западнаго Закавказья, какъ б. или м. тк. ск. дериваты этой послѣдней, а растительность западнаго Закавказья, какъ наиболѣе консервативный типъ, какъ типъ наименѣе измѣнившійся со временъ третичной эпохи.

Вотъ тѣ основные взгляды, вотъ тѣ основныя воззрѣнія, которыя проводилъ я въ работахъ своихъ, бывшихъ результатами рѣшенія порученной мнѣ Географическимъ Обществомъ задачи. Эти основные взгляды въ томъ видѣ, какъ они здѣсь изложены, принадлежать мнѣ. Отчасти, кое-что высказываемо было и раньше, другими изслѣдователями. Энглеръ высказывался за своеобразный характеръ растительности западнаго Закавказья. Радде особенно рѣзко старался оттъннить своеобразный растительный мѣръ древней Колхиды. Но, вѣроятно по инерціи, всѣ продолжали причислять западное Закавказье къ Средиземной области и никто не задавался вопросомъ о значеніи Колхидской или Понтійской провинціи въ исторіи развитія вообще флоры Кавказа.

Несмотря на то, что мною такимъ образомъ впервые вполне опредѣленно было указано какъ географическое значеніе западнаго Закавказья (въ смыслѣ особой самостоятельной единицы въ ботанико-географической классификаціи), такъ и историческое его значеніе (въ смыслѣ растительности—пережитка со временъ третичной эпохи), научной критикой работы мои признаны были неудовлетворительными, а выводы не заслуживающими вниманія. Критика, и довольно жестокая, по адресу моихъ работъ высказывалась какъ печатно, сотоварищами моими по работѣ, гг. Акинфиевымъ, Альбовымъ, Красновымъ, Липскимъ, Пачоскимъ, такъ и устно, такъ сказать анонимно, т. е. лицами, которыя осуждая мои работы, не захотѣли однако запечатлѣть свои осужденія въ печатныхъ произведеніяхъ. Я не имѣю намѣренія приводить здѣсь всю эту критическую литературу. Резюмирую лишь вкратцѣ тѣ основныя положенія, которыя критикой противъ работъ моихъ выставлялись и которыми работы эти, такъ сказать, обезцѣнивались. 1) Критика находила, что выводы мои неосновательны потому, что всѣ разсужденія мои построены на изученіи однѣхъ лишь древесныхъ породъ Кавказа,

а не всѣхъ представителей растительнаго царства. 2) Далѣе, указывалось, что флора Кавказа еще настолько мало изучена, что дѣло изслѣдователей собирать лишь факты, а освѣщать эти факты какой либо гипотезой, какимъ либо обобщеніемъ преждевременно, ибо новыя факты могутъ въ корень измѣнить тѣ обобщенія, которыя такъ поспѣшно высказаны были. 3) Въ силу этого, говорила критика, всѣ эти разсужденія ничего не стоятъ, ибо они представляютъ лишь красивыя предположенія, не обоснованныя никакими прочными фактами. 4) Наконецъ, произносились и такія сужденія, что молъ ничего новаго въ воззрѣніяхъ моихъ нѣтъ, а все это было высказано раньше, а мною лишь повторяется все тоже, но въ другой лишь формѣ.

Противъ послѣдняго возраженія я конечно имѣю полное право отвѣтить слѣдующее: 1) хотя, какъ уже выше я замѣтилъ, и какъ высказывалъ неоднократно въ другихъ мѣстахъ¹⁾, своеобразіе характера растительности западнаго Закавказья подчеркивалось и до меня (напр. въ особенности Радде), но все же оно, это западное Закавказье прямо таки къ Средиземной области относилось, а я выдѣляю его изъ этой области; 2) хотя уже Энглеръ въ нѣсколькихъ словахъ намекнулъ на значеніе понтійской растительности въ исторіи развитія кавказской флоры²⁾, но это былъ легкій намекъ, и никто до меня вопросами исторіи происхожденія кавказской растительности не занимался, а между тѣмъ это то и была та основная задача, которая въ 1888 году была Совѣтомъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества мнѣ поручена.

¹⁾ Ср. N. Kusnezow. Der Botanische Garten der Kaiserlichen Universität zu Jurjew (Dorpat). Botanische Reisen. — Bot. Centr. 1897. № 35, 1898. № 12, 1899. № 23—24.

Н. Кузнецовъ. Отзывъ о трудахъ Д-ра Г. И. Радде. — Отчетъ И. Р. Геогр. Общ. за 1898 г.

Н. Кузнецовъ. Рефератъ о книгѣ Г. И. Радде. Grundzüge der Pflanzenverbreitung in den Kaukasusländern. — Труды Бот. Сада Имп. Юрьевск. Унив. Т. I, стр. 80—90 и Bot. Centr. 1901. № 13.

²⁾ Вотъ подлинныя слова проф. Энглера относительно историческаго значенія понтійской флоры (A. Engler. Entwicklungsgeschichte der Pflanzenwelt. I. Th. 1879, p. 64): «auch auf den pontischen Gebirgen, dem westlichen Kaukasus und dem Nordabhange des Elbrus treffen wir noch eine Laubwaldvegetation an, welche mit der Mitteleuropas sehr nahe verwandt ist und noch als wenig veränderter Rest der Vegetation anzusehen ist, die am Ende der Tertiärperiode im westlichen Asien ebenso wie im nordöstlichen herrschte».

Перейду теперь къ разсмотрѣнiю нѣкоторыхъ другихъ возраженiй критики, заранѣе принося этой послѣдней свою признательность, ибо эта то критика и заставила меня глубже вдуматься въ высказанныя мною десять лѣтъ назадъ положенiя, разработать ихъ за эти десять лѣтъ основательнѣе и подѣ конецъ теперь придти къ тому утѣшительному для самаго себя результату, что я правъ былъ въ своихъ воззрѣнiяхъ, что я могу ихъ смѣло высказывать и впредь, проводить въ науку и жизнь, защищать, отстаивать.

Критикой указывалось, что выводы мои неосновательны, такъ какъ они являются результатомъ изученiя лишь весьма незначительной части растительнаго царства Кавказа, всего лишь древесныхъ его породъ. Вполнѣ согласенъ съ критикой, что выводы, основанные на тщательномъ изученiи всей флоры Кавказа были бы гораздо цѣннѣе, были бы весьма желательны. Но для того, чтобы тщательно (монографически) изучить всѣхъ представителей кавказской флоры, для этого нужны многie десятки лѣтъ упорной работы, которая, я заранѣе чувствую, не подѣ силу одному человеку. А потому или надо совсѣмъ отказаться отъ обобщенiй, или дозволить себѣ обобщенiя надѣ болѣе ограниченнымъ кругомъ фактическихъ данныхъ и высказать свои обобщенiя хотя бы въ видѣ рабочей гипотезы. Такъ я и сдѣлалъ. Вмѣсто того, чтобы стараться объять необъятное, я на первый разъ ограничилъ свою задачу болѣе узкими рамками—и въ качествѣ фундамента для своихъ обобщенiй взялъ древесныя породы Кавказа. Я ограничился именно древесными породами по двумъ причинамъ: во первыхъ древесныя породы Кавказа, въ особенности благодаря трудамъ Я. С. Медвѣдева, наилучше изучены; во вторыхъ же, и это самое главное, для того, чтобы подойти къ вопросу съ исторической точки зрѣнiя, т. е. съ той точки зрѣнiя, которая положена была въ основу моихъ изслѣдованiй, мнѣ именно и надо было остановиться на породахъ древесныхъ, ибо для того, чтобы ясно уяснить себѣ отношенiе современной флоры той или иной части Кавказа къ флорѣ третичной эпохи, самое удобное изучать породы древесныя, такъ какъ въ отложенiяхъ третичной эпохи земного шара главнымъ образомъ сохранились остатки древесной растительности и очень мало точно опредѣлимыхъ остатковъ растительности травянистой.

Интересно, что основныя мои воззрѣнiя относительно исторiи развитiя флоры Кавказа и значенiя въ исторiи этой Понтiйской

или Колхидской провинцiи, изложенныя мною на основанiи изученiя однѣхъ лишь древесныхъ породъ, блестящимъ образомъ подтверждаются находками моихъ же противниковъ, сдѣланными послѣ выхода въ свѣтъ моихъ «Элементовъ Средиземноморской области въ западномъ Закавказьѣ», и если бы мои критики постарались бы быть немного объективнѣе, они можетъ быть съ большимъ безпристрастiемъ отнеслись бы къ тѣмъ мыслямъ, которыя я съ 1889 года такъ горячо защищалъ. Такъ, уже послѣ выхода въ свѣтъ «Элементовъ Средиземной области», В. И. Липскiй находитъ на Кавказѣ, въ Понтiйской провинцiи, близъ монастыря Новый Афонъ *Dioscorea caucasica*. Родъ *Dioscorea* тропическiй, на Кавказѣ родъ этотъ до Липскаго не былъ извѣстенъ, найденный имъ видъ новый. Откуда могла взятъся эта любопытная чуждая всему умѣренному поясу сѣвернаго полушарiя форма на Кавказѣ и почему она найдена лишь въ Колхидской провинцiи Кавказа? Вскорѣ послѣ этого неожиданнаго удивительнаго открытiя Липскаго Н. М. Альбовъ открываетъ на Кавказѣ другой, тоже чуждый Кавказу, родъ, въ единичномъ однако для Кавказа видѣ — *Rhamphicarpa Medwedewi*. И родъ *Rhamphicarpa* тропическiй; онъ сосредоточенъ гл. обр. въ Африкѣ, въ Абиссинiи; откуда же могъ взятъся и этотъ родъ на Кавказѣ и почему представитель его опять-таки найденъ лишь въ Колхидской провинцiи Кавказа, ибо Альбовъ нашелъ *Rh. Medwedewi* въ Мингрелии? На эти вопросы вполнѣ удовлетворительное объясненiе даетъ моя, какъ я ее выше назвалъ, рабочая гипотеза. *Dioscorea caucasica* и *Rhamphicarpa Medwedewi* надо разсматривать, какъ остатки растительности третичной эпохи Кавказа, когда растительность эта ближе по характеру своему приближалась къ тропической растительности. А такъ какъ наиболѣе третичная растительность сохранилась по гипотезѣ моей въ Колхидѣ, то понятно, что тамъ то и найдены были гг. Липскимъ и Альбовымъ ихъ интересныя находки. Было бы съ моей точки зрѣнiя совершенно непонятнымъ, если бы эти два тропическихъ рода были найдены на Кавказѣ гдѣ либо внѣ Колхидской пров., но нахожденiе ихъ именно тамъ, въ западномъ Закавказьѣ только блестяще подтверждаетъ мои основныя воззрѣнiя на исторiю развитiя кавказской растительности. Если бы находки эти были бы сдѣланы до 1889 года, какой бы важный аргументъ имѣлъ бы я для доказательства своихъ основныхъ положенiй! И замѣтите, что обѣ эти формы не древесныя породы, а

подтверждают выводы, сдѣланные на основаніи изученія однѣхъ древесныхъ породъ.

Въ своемъ стремленіи отстоять свои взгляды отъ нападковъ критики я не удовлетворился конечно тѣмъ нравственнымъ торжествомъ, какое доставлено мнѣ было открытіями Линскаго и Альбова рр. *Dioscorea* и *Rhizophicarpa* въ Понтійской провинціи. Для дальнѣйшаго обоснованія своихъ воззрѣній мнѣ необходимо было продолжать изученіе характера растительности Кавказа и въ особенности интересовали меня специально нѣкоторыя мѣстности Кавказа, растительность которыхъ, по моимъ представленіямъ, генетически связана съ установленной мною Колхидской провинціей. Въ особенности большой интересъ представляла для меня Кубанская обл., ибо растительность Кубанской области я разсматривалъ, на основаніи своихъ изслѣдованій, какъ одинъ изъ ближайшихъ дериватовъ понтійской растительности, какъ типъ понтійскій, но сильно обѣднѣвшій, послѣ того, какъ въ силу высыханія моря, покрывавшаго нѣкогда Кубанскія степи, и климатическія условія въ Кубанской области значительно измѣнились къ худшему. Такой взглядъ на Кубанскую флору основывалъ я на своихъ находкахъ, произведенныхъ еще въ 1888 году; а именно, въ нѣкоторыхъ укромныхъ уголкахъ кубанскихъ горъ найдены были мною такіе представители древесныхъ породъ, которые свойственны собственно западному Закавказью, которые являются типичными представителями колхидской природы и которые кажутся совершенно чуждыми среди болѣе сѣверной флоры Кубанской области. Таковы, найденныя мною впервые въ Кубанской обл. *Rhododendron ponticum*, *Ilex aquifolium*, *Prunus laurocerasus*, *Vaccinium Arctostaphylos*, *Taxus baccata* и др. Но во-первыхъ находки эти были весьма незначительны и могли быть явленіями случайными, а слѣдовательно могущими имѣть и иное объясненіе, а во-вторыхъ сама Кубанская область была еще такъ мало изучена въ ботаническомъ отношеніи (кромѣ меня тамъ никто почти изъ ботаниковъ не экскурсировалъ), что дальнѣйшія болѣе детальныя изслѣдованія могли либо подтвердить, либо м. б. кореннымъ образомъ измѣнить мои воззрѣнія. Въ 1895 году я получилъ назначеніе профессора Императорскаго Юрьевскаго Университета и директора Ботаническаго Сада этого Университета, и, хотя это новое положеніе, въ особенности первое время, съ одной стороны отвлекло мои силы и время къ другимъ задачамъ, и первые годы лишило меня возможности

самому совершать путешествія по Кавказу, но съ другой стороны это же новое положеніе дало мнѣ возможность привлечь къ дѣлу изученія флоры Кавказа новыя молодыя свѣжія силы. Сейчас же послѣ того какъ я въ 1895 году занялъ должность директора Юрьевскаго Ботаническаго Сада, я пригласилъ на вакантную въ то время должность помощника директора сада молодого ботаника, окончивавшаго тогда, подъ руководствомъ проф. И. П. Бородинна, Лѣсной Институтъ, Н. А. Буша, совершившаго уже два путешествія на Кавказъ по порученію Лѣсного Института. Въ первое же ближайшее лѣто г. Бушъ командированъ былъ по моему представленію Совѣтомъ нашего Общества въ Кубанскую область для детальнаго изученія ея растительности (въ связи съ ледниковыми явленіями), согласно выработаннымъ мною указаніямъ. Съ тѣхъ поръ Императорское Русское Географическое Общество три раза командировывало г. Буша въ Кубанскую область для тщательныхъ ботанико-географическихъ изслѣдованій и надо отдать дань справедливости и засвидѣтельствовать, что дѣйствительно г. Бушъ за эти три командировки исколесилъ Кубанскую область вдоль и поперекъ, собралъ тамъ обширный гербарный матеріалъ и богатыя ботанико-географическія наблюденія, и изучилъ такъ эту мало до сихъ поръ изслѣдованную часть Кавказа, какъ еще ни одинъ ботаникъ ее не изучалъ. Результаты изслѣдованія г. Буша представлены Обществу въ цѣломъ рядѣ его отчетовъ¹⁾, а Юрьевскому Ботаническому Саду въ цѣнномъ обширномъ гербарномъ матеріалѣ, постепенно разрабатываемомъ нынѣ какъ мною, такъ и самимъ Н. А. Бушемъ. Въ общемъ, изслѣдованія г. Буша вполне подтвердили основныя воззрѣнія мои на значеніе Понтійской области въ исторіи развитія растительнаго покрова другихъ мѣстностей Кавказа, въ данномъ случаѣ Кубанской области. Но

¹⁾ Н. Бушъ. Предварительный отчетъ о путешествіи по сѣверо-западному Кавказу въ 1896 году съ цѣлью изслѣдованія ледниковъ и флоры.—Изв. И. Р. Геогр. Общ. XXXIII т.

Н. Бушъ. Предварительный отчетъ о второмъ путешествіи по сѣверо-западному Кавказу въ 1897 году.—Изв. И. Р. Геогр. Общ. XXXIV т.

Н. Бушъ. Описаніе и главнѣйшіе результаты третьяго путешествія по сѣверо-западному Кавказу въ 1899 году.—Изв. И. Р. Геогр. Общ. XXXVI т.

N. Busch. Vorläufiger Bericht über eine Reise in den nordwestlichen Kaukasus im Jahre 1896 zur Untersuchung der Gletscher und der Vegetation.—Peterm. Geogr. Mitt. 1898. Hft. 12.

особенно цѣнны и интересны оказались послѣднія изслѣдованія Н. А. Буша 1899 года. Въ этомъ году г. Бушу удалось прослѣдить распространеніе въ Кубанской области характерныхъ понтийскихъ представителей флоры—какъ то: *Rhododendron ponticum*, *Vaccinium Arctostaphylos*, *Ilex aquifolium*, *Prunus laurocerasus*, *Taxus baccata* и др. и доказать, что это были не случайно сдѣланныя мною въ 1888 году находки, а что дѣйствительно понтийскія породы эти распространены въ извѣстныхъ укромныхъ уголкахъ Кубанской области, представляя вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь типъ растительности древній, вымирающій. Любопытно, что по детальнымъ наблюденіямъ г. Буша, нанесшаго на карту всѣ констатированныя имъ мѣстонахожденія этихъ древнихъ третичныхъ древесныхъ породъ Кубанской флоры, районъ распространенія колхидскихъ кустарниковъ въ Кубанской области въ значительной мѣрѣ совпадаетъ съ райономъ распространенія такой вымирающей породы животнаго царства—какимъ является здѣсь зубръ. Очевидно, что и зубръ, и *Rhod. ponticum*, и другіе колхидскіе типы чувствуютъ себя не совѣмъ по-себѣ при теперешнихъ климатическихъ условіяхъ Кубанской обл. Стоитъ перевалить Главный хребетъ на югъ, стоитъ спуститься въ Абхазію, и тамъ мы встрѣтимъ всѣ эти породы животныхъ и растений въ ихъ родной обстановкѣ, въ хорошемъ состояніи. А въ Кубанской области они пріютились лишь кое-гдѣ, они влачатъ довольно мизерное существованіе, они не властвуютъ надъ кубанской землею, они ею лишь терпимы. Но почему же такая разница? Да все потому же: въ Колхидѣ всѣ условія для ихъ нормальнаго существованія; въ Кубанской области когда то такія условія были, благоденствовали тогда въ Кубанской области и эти колхидскіе типы. Теперь же они тамъ вымираютъ, они лишь терпимы, они представляютъ остатки, слѣды прежняго далекаго (я бы сказалъ колхидскаго) прошлаго.

Rhododendron ponticum, распространеніе коего ввидѣ послѣднихъ остатковъ въ Кубанской обл. особенно детально изучено было Н. А. Бушемъ, представляетъ вообще весьма важный документъ для истиннаго пониманія исторіи развитія флоры Кавказа. На это его важное историческое значеніе мною вполне достаточно указано было въ «Элементахъ Средиземноморской области въ западномъ Закавказьѣ»¹⁾. Тамъ уже указалъ я на

¹⁾ 1. с. стр. 135—139.

одновременное нахожденіе кустарника этого на двухъ противоположныхъ концахъ Средиземной области, въ Колхидѣ — на востокѣ и на Пиренейскомъ полуостровѣ — на западѣ. Тамъ же далъ я и объясненіе этого любопытнаго ботанико-географическаго факта. Гризебахъ думалъ, что *Rhodod. ponticum* занесенъ въ Португалію и Испанію арабами съ Кавказа¹⁾. Энглеръ первый высказалъ предположеніе, что *Rhod. ponticum* типъ древній, вымирающій, бывшій прежде широко распространеннымъ въ средиземноморскихъ странахъ, но нынѣ сохранившійся лишь на крайнемъ востокѣ и западѣ своего прежняго географическаго распространенія²⁾. Въ своихъ «Элементахъ Средиземно-морской области въ западномъ Закавказьѣ» я старался далѣе развить и подтвердить мысль Энглера. Теперь, послѣ любопытныхъ находокъ понтийскаго кустарника этого въ Кубанской области г. Бушемъ я еще разъ вернулся къ вопросу о возрастѣ этого вида. Изучивъ систематическое положеніе *Rh. ponticum*'а, я еще больше убѣдился въ вѣрности воззрѣній проф. Энглера и моихъ и еще рѣзче долженъ былъ отказаться отъ взглядовъ Гризебаха. Дѣйствительно, по систематическому положенію своему *Rh. pontic.* наиболѣе близокъ не къ другимъ кавказскимъ видамъ этого рода, не къ видамъ европейскимъ или гималайскимъ, а къ видамъ сѣверо-американскимъ. Систематическая близость колхидскаго *Rh. ponticum* съ сѣверо-американскимъ *Rh. maximum*, констатированная моими новѣйшими изслѣдованіями на основаніи гербарнаго матеріала Юрьевскаго Ботаническаго Сада, настолько замѣчательна, что остается предположить одно, что оба эти рододендрона одного генетическаго происхожденія, и что такимъ образомъ типъ *Rh. ponticum* еще болѣе м. б. древній, чѣмъ предполагалъ проф. Энглеръ, и занималъ этотъ типъ въ третичную эпоху еще болѣе обширный районъ географическаго распространенія, будучи нѣкогда вѣроятно распространеннымъ по всей палеарктической области. Теперь этотъ, нѣкогда вульгарный на земномъ шарѣ, типъ вездѣ вымеръ и послѣдніе его остатки сохранились въ Колхидской пров., кое-гдѣ на Пиренейскомъ полуостровѣ да въ Сѣв. Америкѣ. Тамъ этотъ типъ еще существуетъ. Въ Кубанской же области, по изслѣдованіямъ

¹⁾ Гризебахъ. Растит. Земл. Шара. I, 1674, стр. 315.

²⁾ A. Engler. Versuch einer Entwicklungsgeschichte der Pflanzenwelt, I, 1879. pp. 63—64.

моимъ и Буша, доживаетъ онъ послѣдній періодъ своего существованія.

Кромѣ Кубанской области съ исторической точки зрѣнія, мною проводимой, на Кавказѣ весьма любопытны еще двѣ мѣстности: Талышъ и Кахетія. Талышъ подробно былъ изученъ цѣлымъ рядомъ натуралистовъ — К. А. Мейеромъ, Гогенаккеромъ, Радде. Положеніе флоры Талыша въ ботанико-географической классификаціи на основаніи всѣхъ этихъ изслѣдованій ясно: Талышъ это та же Колхидская природа, но оторванная отъ западнаго Закавказья и приуроченныя къ самой юго-восточной окраинѣ нашего Кавказскаго края: почти тѣ же климатическія условія, почти та же роскошная субтропическая природа, тоже съ остатками типовъ третичныхъ, на земномъ шарѣ въ нашу эпоху вымирающихъ. Я самъ въ Талышѣ не былъ, но богатая о немъ литература не оставляла сомнѣній въ вѣрности указанной ботанико-исторической характеристики этой страны.

Но Кахетія, которая, судя по нѣкоторымъ скуднымъ литературнымъ даннымъ, занимаетъ по отношенію къ колхидскому типу растительности такое же подчиненное положеніе, какое занимаетъ по отношенію къ ней же кубанская растительность, представлялась для меня страной весьма любопытной. Ввиду малой изслѣдованности этой мѣстности въ ботанико-географическомъ отношеніи, мнѣ крайне важно было поэтому для дальнѣйшаго обоснованія основныхъ моихъ воззрѣній, познакомиться детальнѣе съ ея природой. Эту работу поручилъ я другому своему помощнику и ученику, ассистенту Юрьевскаго Ботаническаго Сада А. В. Оомину. Г. Ооминъ былъ командированъ два раза въ Кахетію нашимъ Обществомъ, по моему представленію, въ 1898 и 1899 годахъ. Онъ извѣздилъ Кахетію вдоль и поперекъ, онъ, для болѣе основательнаго уясненія характера растительности этой страны и отношенія ея къ странамъ смѣжнымъ, заглянулъ въ сосѣдній Дагестанъ, и подробно изучилъ характеръ растительности прилежащихъ обширныхъ закавказскихъ степей: Ширакской, Эльдарской, Бозь-дагской и др. Результаты его изслѣдованія представлены также Обществу въ его предварительномъ отчетѣ¹⁾, а обширный его гербарій, переданный

¹⁾ А. Ооминъ. Предварительный отчетъ о ботанико-географическихъ экскурсіяхъ въ восточномъ Закавказьи. — Изв. И. Р. Г. Общ. XXXVI г.

въ Юрьевскій Ботаническій Садъ, обрабатывается нынѣ мною и самимъ А. В. Ооминимъ. Изслѣдованія А. В. Оомина показали, что дѣйствительно и кахетинскую растительность слѣдуетъ разсматривать, какъ дальнѣйшій дериватъ основнаго древняго колхидскаго типа. Кахетія, съ сѣвера защищенная крутою стѣною Главнаго Кавказскаго хребта отъ сухого континентальнаго нагорнаго Дагестана, съ юга отграниченная отъ безводныхъ Ширакскихъ и Эльдарскихъ степей продолженіемъ Сигнахскаго хребта, представляетъ замкнутую со всѣхъ сторонъ котловину, характеризуемую климатомъ влажнымъ, умереннымъ, равномернымъ и рѣзко отдѣленную и отъ суроваго Дагестана и отъ бесплодныхъ закавказскихъ степей. И потому то здѣсь, въ Кахетіи, подобно какъ въ западномъ Закавказьи или Талышѣ, развивается роскошная лѣсная субтропическая растительность. Правда, растительность эта не такъ роскошна, какъ въ Колхидѣ или Талышѣ. Она представляетъ типъ понтійскій обѣдненный. Но и климатическія условія здѣсь хуже, чѣмъ по восточному побережью Чернаго моря или юго-западному побережью Каспійскаго. Однако-же обѣдненіе понтійскаго типа въ Кахетіи, судя по изслѣдованіямъ г. Оомина, не такъ сильно, какъ оно выражено въ Кубанской области. Правда, въ Кахетіи нѣтъ *Rhod. pontic.*, хотя А. В. Ооминъ искалъ его весьма тщательно. Нѣтъ и нѣкоторыхъ другихъ характерныхъ представителей колхидскаго типа, въ Кубанской области встрѣчающихся. Но за то встрѣчаются здѣсь другіе представители третичнаго типа, общіе напр. съ Ленкоранью, а кромѣ того весь характеръ растительности, въ особенности же характеръ низовыхъ лѣсовъ въ долинѣ Алазани, гораздо ближе напоминаетъ намъ Колхиду или Талышъ, нежели роскошнѣйшіе лѣса Кубанской области. Интересно, что, по наблюденіемъ Оомина, въ Кахетіи субтропическій типъ растительности низовыхъ приалазанскихъ лѣсовъ также постепенно теряетъ въ своей силѣ и мощи при движеніи съ запада на востокъ, какъ въ Понтійской провинціи теряется колхидскій характеръ, по моимъ наблюденіямъ, при движеніи съ востока на западъ (напр. при движеніи отъ Сочи къ Туапсе, или отъ Батума къ Трапезунду, по изслѣдованіямъ кн. Масальскаго), и тамъ, гдѣ, защищающіе съ юга отъ вліянія закавказскихъ степей, послѣдніе отроги Сигнахскаго хребта сразу поворачиваются на югъ и открываютъ южный склонъ Кавказа непосредственному вліянію бесплодной закав-

казской пустыни, тамъ прекращается и роскошный лѣсной типъ кахетинской растительности по южному склону Главнаго хребта. Надо замѣтить однако, что изъ тѣхъ же изслѣдованій Омина выясняется, что растительность Кахетіи, представляя такой же дериватъ основного колхидскаго типа, какимъ является по детальнымъ изслѣдованіямъ Буша растительность Кубанской области, вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ и нѣкоторыя своеобразныя черты, являющіяся результатомъ сосѣдства двухъ совершенно чуждыхъ типовъ растительности — нагорныхъ ксерофитовъ Дагестана и растительности закавказскихъ степей. Ввиду того, что прежними моими путешествіями по Кавказу затронуть былъ весь сѣверный Кавказъ и въ значительной мѣрѣ Закавказье западное, восточное же Закавказье оставалось мнѣ неизвѣстнымъ, я, поручивъ А. В. Омину детальное изученіе Кахетіи и прилежащихъ Ширакскихъ и Эльдарскихъ степей, предпринялъ также и самъ въ 1898 году путешествіе на Кавказъ и прошелъ изъ Темиръ-Ханъ-Шуры по нагорному Дагестану въ верховья Аварскаго Койсу, а оттуда перевалилъ въ Кахетію, гдѣ въ Лагодехахъ сошелся съ г. Оминымъ, тщательно изучавшимъ кахетинскую растительность. Впечатлѣнія, полученныя мною при спускѣ изъ Дагестана въ Кахетію и при проѣздѣ затѣмъ изъ Лагодехъ черезъ Сигнахъ въ Тифлисъ вполне подтверждаютъ вышеизложенные результаты тщательныхъ двухгодичныхъ изслѣдованій А. В. Омина.

Такимъ образомъ продолжительныя изслѣдованія двухъ моихъ ближайшихъ учениковъ и помощниковъ не только подтвердили мои основныя взгляды на происхожденіе кавказской лѣсной растительности, но дали мнѣ возможность развить эти взгляды далѣе. Съ той же все исторической точки зрѣнія весьма любопытной для меня является растительность Кубинскаго уѣзда Бакинской губ., тоже, повидимому, представляющей явленія аналогичныя явленіямъ, имѣющимъ мѣсто въ Кубанской области и въ Кахетіи. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ я не имѣлъ возможности направить въ Кубинскій у. кого либо изъ своихъ непосредственныхъ учениковъ. Но въ послѣдніе годы уѣздъ этотъ сдѣлался ареной весьма тщательныхъ изслѣдованій одного молодого ботаника, ученика проф. И. П. Бородина, О. Н. Алексѣенко. Въ теченіе нѣсколькихъ уже лѣтъ г. Алексѣенко изучаетъ эту интересную въ ботанико-географическомъ отношеніи мѣстность. Часть обширныхъ собранныхъ имъ гербарныхъ

матеріаловъ любезно предоставлена имъ мнѣ для обработки. Я только долженъ выразить здѣсь крайнее сожалѣніе, что пока я не знакомъ съ его общими ботанико-географическими данными.

Кромѣ однако изслѣдованій своихъ непосредственныхъ учениковъ и кромѣ весьма цѣннаго матеріала, доставленнаго мнѣ изъ Кубинскаго у. и Дагестана г. Алексѣенко, я послѣднее время могъ пользоваться обширными матеріалами двухъ другихъ моихъ сотрудниковъ на Кавказѣ. Съ самаго начала дѣятельности моей, какъ директора Юрьевскаго Ботаническаго Сада, мнѣ удалось привлечь въ качествѣ сотрудника весьма энергичнаго человѣка и большого любителя ботаники лѣсничаго въ Алагирѣ, въ Терской области, В. В. Марковича. Г. Марковичъ съ 1896 г. вступилъ въ самое близкое сношеніе съ Юрьевскимъ Ботаническимъ Садамъ и, пользуясь моими указаціями и совѣтами, онъ ежегодно доставляетъ Саду обширный матеріалъ по флорѣ сѣв. Кавказа. Въ послѣднее время удалось мнѣ привлечь на Кавказъ и другого любителя и знатока растений, лѣсничаго С. К. Федосѣева, получившаго мѣсто лѣсничаго въ Елисаветпольской губ. и доставляющаго Юрьевскому Ботаническому Саду обширныя гербарныя матеріалы изъ Ганджи и Карабаха. Наконецъ, въ теченіе послѣднихъ лѣтъ весьма цѣнный матеріалъ по Кавказу доставленъ былъ Юр. Бот. Саду однимъ преподавателемъ изъ г. Орла Н. А. Десулави, ежегодно совершающимъ на свой счетъ интересныя поѣздки по Кавказу¹⁾.

¹⁾ Къ сожалѣнію, печатаніе сообщенія этого по разнымъ независимымъ обстоятельствамъ, запоздало. Между тѣмъ и въ 1900 и 1901 г. продолжалось подъ моимъ руководствомъ изслѣдованіе Кавказа съ ботанико-исторической точки зрѣнія и собирались новыя матеріалы. А. В. Оминъ въ теченіе 1900 и 1901 г., по порученію и на средства Тифлискаго Ботанич. Сада, дѣятельно изучалъ различныя мѣстности Закавказья, въ особенности Арменію. Два новыхъ ученика моихъ — Б. Б. Гриневецкій и П. И. Мищенко предприняли также изученіе нѣкоторыхъ мѣстностей Кавказа, а именно г. Гриневецкій собиралъ матеріалы въ Кахетіи и въ Черноморской губ. (на средства графини Е. П. Шереметовой, при нравственной поддержкѣ нашего Общества), а г. Мищенко занялся изслѣдованіемъ въ ботаническомъ отношеніи Боржомскаго имѣнія Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича подъ высокимъ покровительствомъ Августѣйшаго Предсѣдателя нашего Общества Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Михайловича. Въ Кахетіи же, въ Лагодехахъ приобрѣлъ я ревностную сотрудницу по изученію флоры Кавказа — Ю. Л. Млокосѣвичъ.

Такимъ образомъ въ то время какъ ученики мои г.г. Бушъ и Оомина производили по порученію Геогр. Общ. обстоятельныя изслѣдованія Кубанской обл. и Кахетіи, въ то время какъ ближайшіе сотрудники мои дѣятельно изучали другіе уголки Кавказа — Кубинскій у., Осетію, Ганджу, я, исполняя обязанности директора Юрьевского Ботаническаго Сада, поставилъ себѣ главною задачею — собраніе кавказскаго матеріала въ стѣнахъ Юрьевск. Бот. Сада и разработку этого матеріала. Дабы отстранить отъ себя упрекъ, что воззрѣнія мои основываются лишь на изученіи древесныхъ породъ Кавказа, что потому они и односторонни, и не выдерживаютъ критики, дабы отстранить отъ себя этотъ упрекъ, говорю я, и вмѣстѣ съ тѣмъ дабы опять сдѣлать что-нибудь цѣльное и обстоятельное, а не затеряться въ необъятномъ матеріалѣ, я избралъ три характерныхъ семейства кавказской флоры для монографическаго изученія. Семейства эти были слѣдующія: *Ericaceae*, какъ представители лѣсного типа на Кавказѣ, *Primulaceae*, какъ представители высокогорнаго типа, *Plumbaginaceae*, какъ представители степного, пустыннаго и нагорно-ксерофитнаго типа. Для монографической обработки конечно прежде всего требуется возможно богатый гербарный матеріалъ. Когда же я въ концѣ 1895 года въ Юрьевъ пріѣхалъ, я не нашелъ тамъ не только никакого гербарнаго матеріала по Кавказу, я не нашелъ тамъ вообще никакихъ почти гербаріевъ. Однако же за протекшіе пять лѣтъ положеніе дѣлъ измѣнилось. Собранный мною по порученію Геогр. Общества гербарій переведенъ былъ временно въ Юрьевскій Ботаническій Садъ. Къ нему присоединились обширные вышеупомянутые сборы г.г. Буша, Оомина, Алексѣенко, Марковича, Оедосѣева, Десулави. При Юрьевскомъ Ботанич. Садѣ учрежденъ былъ мною совмѣстно съ г.г. Бушемъ и Ооминымъ обмѣнъ гербаріевъ, и этотъ то обмѣнъ привлекъ къ Юрьевскому Ботаническому Саду не только вышеупомянутыхъ кавказскихъ сотрудниковъ, но и цѣлый рядъ другихъ сотрудниковъ, изъ различныхъ частей Россіи и Западной Европы, и такимъ образомъ въ моихъ рукахъ не только сосредоточился матеріалъ кавказскій, но и довольно обширный матеріалъ для сравненія изъ остальной Россіи и изъ средней и южной Европы, а путемъ покупокъ я пріобрѣлъ для Юрьевскаго Ботаническаго Сада значительный гербарный матеріалъ съ Балканскаго полуострова, изъ Малой Азіи, Персіи. Но разумѣется главная забота моя направлена была, чтобы до-

быть по возможности весь кавказскій гербарный матеріалъ по тѣмъ тремъ семействамъ кавказской флоры, монографически изслѣдовать которыя поставилъ я себѣ ближайшею задачею.

Здѣсь, считаю я вполне умѣстнымъ высказать глубокую признательность свою Директору Петерб. Ботан. Сада заслуж. проф. А. А. Фишеру фонъ Вальдгейму и старшему консерватору этого сада В. И. Липскому за цѣнный и обширный матеріалъ по означеннымъ тремъ семействамъ, доставленный мнѣ для временнаго пользованія изъ Петерб. Бот. Сада. Сюда относятся въ особенности обширныя коллекціи Радде, Акинфіева, Беккера, Липскаго, Масальскаго, Байерна, Альбова, Гогенаккера, Коленати, и мн. др., хранящіяся въ Петерб. Бот. Саду. Такой же признательностью обязанъ я академику С. И. Коржинскому и консерватору Академическаго Музея Д. И. Литвинову, доставившимъ мнѣ не менѣе богатый матеріалъ изъ Академіи Наукъ, въ особенности же гербаріи акад. Рупрехта, Маршала Биберштейна, Оверина, Бротеруса и др. Благодаря любезности д-ра Г. И. Радде и Я. С. Медвѣдева я получилъ опять таки для временнаго пользованія обширный матеріалъ изъ Тифлиса. Кіевскій (проф. С. Г. Навашинъ и Н. В. Цингеръ) и Московскій (проф. И. Н. Горожанкинъ и М. И. Голенкинъ) Университеты, Лѣсной Институтъ (проф. И. П. Бородинъ), Рижское Общество Естественныхъ Испытателей (К. Р. Кулфферъ) и нѣкоторые частныя лица (проф. В. Я. Цингеръ, г.г. Мечъ, Ткешелашвили, Федченко и др.) доставили мнѣ также свои, хотя и небольшіе, но тѣмъ не менѣе цѣнные сборы.

И такимъ образомъ, пока ученики и сотрудники мои въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ обогащали познанія наши по флорѣ Кавказа новыми изслѣдованіями, стекавшимися подъ сѣнь управлемаго мною Юрьевскаго Ботаническаго Сада, я самъ обрабатывалъ монографически указанныя три семейства Кавказской флоры, преслѣдуя при этомъ все ту же основную историческую цѣль изслѣдованія и опираясь при этомъ на почти весь имѣющійся по флорѣ Кавказа матеріалъ. Немногія кавказскія коллекціи остались для меня, къ сожалѣнію, недоступными, несмотря на принятія съ моей стороны мѣры и ихъ привлечь въ общую обработку. Въ особенности сожалѣю я, что не могъ получить соотвѣтствующія семейства изъ обширнаго гербарія К. Чермака, хранящагося въ Петерб. Университетѣ, и изъ обширнаго гербарія

Н. К. Срединскаго, составляющего его личную собственность.

Въ настоящее время обработка трехъ вышеуказанныхъ семействъ мною окончена. Здѣсь могу я предъ Вами, продемонстрировать манускриптъ этой работы, продолжавшейся нѣсколько лѣтъ. Печатаніе ея начнется вскорѣ¹⁾ съ разрѣшенія Совѣта нашего Общества въ изданіяхъ Имп. С.-Петербур. Общества Естествоиспытателей, въ качествѣ 1-го выпуска проектируемаго мною труда—«Критическая флора Кавказа». Интересующіеся ближе этой работой познакомятся съ ней по выходѣ ея въ свѣтъ изъ печати. Здѣсь же я постараюсь вкратцѣ изложить важнѣйшіе ботанико-географическіе результаты этого монографическаго изученія 3-хъ кавказскихъ семействъ. Оказывается, по крайней мѣрѣ относительно 3-хъ изученныхъ семействъ, что Кавказъ отличается почти полнымъ отсутствіемъ формъ средне-европейскихъ, и малымъ % формъ средиземноморскихъ. Древніе третичные типы встрѣчаются и среди изученныхъ семействъ (какъ среди породъ деревянистыхъ, такъ и травянистыхъ). Это будутъ моно- или олиготипы, стоящіе особнякомъ въ системѣ среди или всей флоры земного шара или флоры Кавказа, и въ послѣднемъ случаѣ имѣющихъ ближайшихъ родственниковъ въ очень удаленныхъ пунктахъ земного шара—въ Японіи, Китаѣ, Гималаѣ, Сѣв. Америкѣ. Замѣчательно, что эти древніе вымирающіе типы и среди породъ травянистыхъ приурочены главнымъ образомъ къ Понтійской провинціи Кавказа (напр., изъ обширнаго рода *Primula*, заключающаго виды б. ч. новые, нынѣ созидающіеся, на Кавказѣ встрѣчаются два вида однако же болѣе древнихъ, болѣе консервативныхъ—это *P. megasacifolia* и *P. grandis*; обѣ они сосредоточены лишь въ Колхидской пров., первая въ Лазистанѣ и около Батума, вторая въ Черкессіи, Абхазіи и Сванетіи). Вообще надо замѣтить, что три изученныя мною монографически семейства кавказской флоры ясно обрисовываютъ флору эту какъ

¹⁾ Нынѣ отпечатано уже два выпуска этой работы подъ заглавіемъ: «Материалы для флоры Кавказа. Критическое систематическо-географическое изслѣдованіе», и печатается далѣе 3-й вып. Кромѣ семействъ, обработанныхъ мною лично (*Pirolaceae*, *Ericaceae*, *Primulaceae*, *Plumbaginaceae*), въ трудъ этотъ вошли и нѣкоторыя семейства, обработанныя ученикомъ моимъ Н. А. Бушемъ (*Nymphaeaceae*, *Ceratophyllaceae*, *Ranunculaceae*). Для послѣдующихъ выпусковъ готовится къ печати подобный же трудъ другого ученика моего А. В. Фоминна (*Cucurbitaceae*, *Campanulaceae*).

флору азіатскую, а не европейскую и при томъ какъ флору съ значительнымъ % формъ эндемическихъ. Какъ пришлыя, такъ и эндемическія формы Кавказа указываютъ на ближайшее сродство страны этой съ Сибирью, Гималаемъ, Малой Азіей и Персіей. Съ Альпами Западной Европы, какъ уже сказано выше, Кавказъ имѣетъ, повидимому, мало общаго, но, что еще любопытнѣе, такъ это то, что западно-европейскіе элементы Кавказской флоры, открытые б. ч. сравнительно тамъ недавно, сосредоточены гл. обр. на Маломъ Кавказѣ, а не на Большомъ. Таковы напр. *Primula longiflora*, *Vaccinium uliginosum*, *Soldanella* и др. Какъ будто бы миграція формъ этихъ на Кавказъ изъ Европы шла не съ сѣв.-зап. изъ Россіи, а съ юго-запада, черезъ Малую Азію? Эти общія данныя моей новѣйшей монографіи, подтверждая, какъ вы видите, вышеуказанныя положенія работы моей «Элементы Средиземноморской области въ западн. Закавказіи», вмѣстѣ съ тѣмъ открываютъ новыя точки зрѣнія для дальнѣйшаго выясненія исторіи развитія флоры Кавказа, а вмѣстѣ съ тѣмъ открываются и новыя ботанико-географическія задачи, новыя вопросы. Однимъ изъ такихъ назрѣвающихъ вопросовъ, является изученіе съ той же исторической точки зрѣнія, которая преслѣдуется мною уже десять лѣтъ, растительности Малаго Кавказа, растительности высокогорной Арменіи. Смѣю выразить здѣсь надежду, что Императорское Русское Географическое Общество, въ теченіе десяти лѣтъ такъ благосклонно поддерживавшее меня въ моихъ изысканіяхъ исторіи развитія флоры Главнаго Кавказскаго хребта, не откажетъ мнѣ въ своемъ дальнѣйшемъ покровительствѣ и той высокой нравственной поддержкѣ, которую всегда я черпалъ въ его средѣ, не откажетъ при раскрывающейся новой задачѣ—изученіи Малаго Кавказа, высокой Арменіи¹⁾.

И же съ своей стороны, заканчивая мое сегодняшнее краткое сообщеніе, долженствуюющее быть отчетомъ всего того, что я подѣляю съ вами, сообщая вамъ за 10 лѣтъ сдѣлалъ, считаю священнымъ для себя долгомъ выразить всему Обществу глубокую признательность за ту поддержку, которую я все время отъ него

¹⁾ Малый Кавказъ посѣщенъ былъ мною, при поддержкѣ со стороны нашего Общества, въ 1900 году и сообщеніе объ экскурсіи этой сдѣлано было мною въ общемъ собраніи Общества 13 декабря 1900 года. (См. Изв. И. Р. Г. Общ., т. XXXVI, стр. 576—578). Особенно дѣятельно изучается нынѣ растительность Малаго Кавказа А. В. Фоминнымъ (въ 1900 и 1901 г.г.).

имѣлъ, и, выражая признательность эту Обществу вообще, я въ особенности обязанъ принести таковую глубокоуважаемымъ представителямъ его—П. П. Семенову, И. В. Мушкетову и А. В. Григорьеву, а вмѣстѣ съ тѣмъ съ грустью благодарно вспомнить для всѣхъ насъ незабвеннаго преждевременно скончавшагося А. А. Тилло. Всѣмъ имъ горячее, горячее спасибо за поддержку, за совѣты, за все то, что мнѣ при помощи ихъ удалось сдѣлать.

Отдѣльный оттискъ изъ „Извѣстій Императорскаго Русскаго Географическаго Общества“, томъ XXXVIII, вып. II.

Типографія В. Безобразова и Комп. (Вас. Остр., 8 л., № 45).

КАРТА КАВКАЗСКАГО КРАЯ.

Съ нанесіемъ ботаническихъ маршрутовъ экскурсій, совершенныхъ по порученію И. Р. Г. Общ. Проф. Н. И. Кузнецовымъ, и его помощниками Н. А. Бушемъ и А. В. Оминымъ, въ гг. 1888—1900.

Маршруты:

- Н. А. Буша.
- Н. И. Кузнецова.
- А. В. Омина.